

Специально развязал шнурки и ходил так – может, заметят, остановят, скажут? Жалкие надежды! Сёма ходил со шнурками навывпуск – спотыкался, падал, прыгал, падал опять – в мелкой оторопи дождей, в промозглой улице московской, смутной огнями, лужами склизкой: среди прохожих безлицых, к чужим шнуркам безразличных, – как призрак в мясной лавке, – ходил мимо этих сизых и дымных, застрявших на своих орбитах, туда и сюда, по одной и той же улице, где только ночь и фонарь, а на аптеку денег зажали, вымачивал башмаки, убивал пимпочки на шнурках и совсем немного не плакал.

Никакой трагедией Сёма не был растоптан – все какие-то пустяки. В конторе (по продаже скрепок, затюханной) протянул начальству руку и сказал: «Здравствуйте!» – а его не заметили. Ехал в метро, уткнувшись в спасительную книжку Белого, решил уступить старушке место – а она не села. Заходил в школу проведать учителей – его не узнали. В столовой взял салат «Мимоза», а туда не положили майонез. Нашел на улице рублик – оказался девяносто первого года. Пытался срезать путь домой – уткнулся в забор: пробовал обойти – окатила машина. Хотел сходить в кино на добрый мультик – попал на фильм про холокост. Синий «Винстон» и творожные сырки не такие вкусные, как в детстве. От пальто оторвалась пуговица, а еще одна болтается. Стертые буквы все равно остаются в ка-

тышках резинки. Если вымыть тарелку – ее снова придется мыть.

Но самая гадость случилась сегодня. На работе у него – Настя. Сёма ей в любви признавался, а она сказала, что другого любит. На всякий случай Сёма еще пять раз признался (примерно каждый месяц повторял), а она все то же самое отвечала.

Говорили они только в перекурах. В общем-то, они не говорили, а молчали. Сёма иногда думал, что он, наверное, назойливый (поэтому не решался ее никуда, кроме перекуров, приглашать), но все равно каждое утро ждал ее шагов, ждал, как она появится – невероятная: вся в черном. В этот раз купил на самые последние гроши кислых червячков в мармеладном магазине: решился Настю угостить (этого бы вполне хватило, чтоб быть счастливым еще год). Ноги коллег сновали по офису. Змейка из скрепок не радовала глаз. Часы тикали, фальшивя. Насти все не было.

Горя дыханием, Сёма почти уже, еще совсем чуть-чуть, немножко – и вот-вот он будет решаться ей написать.

Вдруг – пришло СМС от Насти:

«Исчезни, гнида. Развоплотись, мать твою!»

И почти тут же:

«Извини, я не тебе».

Сёма тихо встал из-за стола, вышел в коридор, поднялся на глухую лестницу – почти к чердаку – лег на ступеньки и лежал там одиннадцать минут.

Он бы рад был собакой завить, рассмеяться истериком, ударить кулаком в стену, откусить кому-нибудь нос, сжечь сторубежную бумажку, стать коммунистом, бросить курить, – но его растоптанных, повешенных и закопанных чувств никто не видел (не считая камеры видеонаблюдения). Сёма развязал шнурки и пошел гулять под дождем.

Сёма кутался в свою исхудалую шинель и ходил. Он знал только улицу Дом – Метро – Работа – Дом: заплеванные дворы, повороты, проулки из разу в раз оборачивались заборами. Звезд не было. Неба не было. Сёма скучал по лужковской Москве, когда все было дико и первозданно: никаких строек, никаких заборов – тихая жизнь, тихая смерть. Мыкнулся в переулок без имени: какие-то пацаны пробежали Сёму чуть не насквозь. Сёма не обиделся – хотя, конечно, обиделся.

Зашел в какой-то двор, лег на мокрую – зарыданную – скамейку, где остался окончательно один. Тут ему что-то дернулось в уме, он медленно и тщательно выдохнул весь воздух из легких, зажал одной рукой рот, другой схватил нос – и просто перестал дышать. В груди что-то дергалось дикое, нос шекотался, в голове кто-то орал: просилось сделаться хоть что-нибудь: если не вздохнуть – то хотя бы проглотить слюну, дернуться, почесать глаз – ну а раз уже все равно слюну проглотил, то и вздохнуть мож... – воздух ворвался с неистовой мощью.

Сёма не сдавался, он пробовал четыре, пять раз – но никакой воли не хватало. На шестой получилось: умер.

Лежал покойный-покойный – пока мысли не затекли. Захотелось ужасно курить. Сёма встал со скамейки, поглядел по сторонам, бросил взгляд за плечо – и увидел, что тело продолжает лежать на скамейке. Сёма заорал:

– Ааааа!

– Чего кричишь? – сказал брюзгливый полицейский с фонарем под глазом. – Ша, увезем.

Он просто, по-житейски, подхватил тело и закинул на плечо. Сёма задышал громко-громко (кажется, все же оставалось, чем дышать; вообще, постмортем Сёма сделался похож на грифельный набросок).

– А дальше что? Закопаете меня? – вскричал он, хватая себя за голову, но руки проходили насквозь.

– У всего свой порядок.

Полицейский ушел, все так же пыхтя: труп на его плече показывал фиолетовый язык. Сёма постоял, подумал – и отправился искать продуктовый.

Ходить стало гораздо легче: в общем-то, Сёма не столько ходил, сколько летал. Он держал в уме, что

под землю проваливаться неприлично – и оставался сантиметром-двумя выше. Люди и стены не чинили препятствий. Воздух он не вдыхал, а ощущал всей пустотой своего набросочного тела.

В продуктовом попросил «Кэмел». Продавщица протянула пачку, но та провалилась сквозь руку.

– А. Вы уже? – Она нарисовала на чеке пачку.

Сёма ее взял.

Он гулял по Москве, растерянный: все-таки свернул с той улицы, что с фонарем и без аптеки, а тут оказывается – Староглинищевский переулок, синагога, парки, бары, Златоустинский переулок (Малый, Большой), Маросейка, аптеки, больницы. По пути встретил начальство: раскланялись, поздоровались, обнялись (официально, по-призрачному).

С карандашной сигаретой Сёма стоял у подземного перехода и не мог решиться – пройти по низу или сквозь машины? Его окликнула то ли нищенствующая, то ли попрошайничающая бабка:

– Да ты не стесняйся, милоч. Прямо сквозь землю.

– Прямо сквозь землю?

– Ей-ей.

Он пощупал прозрачным носком асфальт, завязал на всякий случай шнурки и стал спускаться. Наблюдал узоры пород, черноту пород, абсолютную черноту и такую черноту, о которой и говорить нечего. Когда Сёма спустился до ядра, ему живо отсалютовал мужик в черном спортивном костюме, с горячей бородой (со свисшими руками он отплясывал странный танец под электронную музыку, звучащую из недр). Сёма догадался, что это он-то Землю и вертит, а никакие не белые медведи.

Не прекращая, мужик корчил рожи и улыбался. Сёма улыбнулся тоже – и вылетел на другой конец земного шара. Километра три еще пришлось лететь через воду, где мутно, скользко и противно, – зато Сёма видел кита, а еще медузу, которая оказалась ровесницей Христа: поиграли с ней в города.

Наконец-то – вылетел. Со всех сторон было пусто и сине. Сёма полетел на восходящее солнце – и оказался среди изумрудов и пыли Африки: подумал, клево бы сюда Настюху свозить, она любит юг (это то небольшое, что Сёма о ней все же знал). Полетел обратно.

Мужик с горячей бородой продолжал пляску: движения были круговые, с приседаниями и какими-то пассажами руками. Сёма встал, посмотрел – и решился на вопрос:

– Что вы тут делаете?

– Пустяками пробавляюсь. А ты?

– Пока не определился. Времени мало прошло.

Мужик остановился и с грохотом расхохотался (недра тоже смеялись). Сёма поднял лоб недоуменно. Отсмеявшись, мужик все-таки проговорил:

– Времени же нет.

Сёма быстрее мгновения отлетел на поверхность – прямо на МГУ: везде, со всех сторон – голосили трубы, звезды валились, дама в солнце ходила по бульварам, луна мазалась красной помадой, кони носились, саранча лютовала, семиглавая тварь грозила хвостом из Москвы-реки, кто-то бил ее копьем – небо свилось как свиток, земля испарилась, все стало черное, потом белое, потом вообще не стало, потом снова стало (но непонятно только что – слово? мысль? дело?) – потом поделилось, потом еще поделилось – забегали электроны, закружили атомы, прошептался секрет апельсина, и вот уже бесплотный Сёма опять стоит на шпильке МГУ, созерцает Лужники с огоньками, борьбу желтого и фиолетового, и чувствует, как сквозь его бесплотные бока продувает ветер.

– И так, представляете, каждую секунду, – сказал ему кто-то снизу. В остром костюме, с ухоженными залысинами, небесными глазами и папиросой.

– Что – каждую секунду? – Сёма спустился на площадку пониже и закурил свою рисованную сигарету.

– Демиург. Остановится, рассмеется – а мир в лепешку. Потом опять собирается – ну и так далее.

– Каждую секунду?

– Каждую-каждую! Если обращать внимание, конечно. Вы, к слову, в этом тоже участвуете. Но тут главное не ударяться в солипсизм.

– Как это еще – участвую?

– Вы ведь тоже Его часть.

Этот кто-то покачал головой с академическим видом и уставился в фиолетовую мглу подслеповатых звезд и раздетой луны.

– Почему все стали меня видеть? – спросил Сёма и сунул руки в прозрачные карманы.

– По правде, это иллюзия диалога. Вы просто слились с миром.

Сёма напряг весь свой эфемерный взгляд и уставился в чужие глаза.

– Кто вы? – спросил он.

– Ваш друг во сне и наяву. – Тот рассмеялся и прокашлялся. – Мы иногда спим вместе.

С довольно бесформенным, но все же напоминающим восторг чувством Сёма вспомнил шершавый томик серого цвета, который он читал-перечитывал и нередко клал под подушку.

– Андрей Белый! – воскликнул он.

– Да, душа моя. А впрочем, я схватил первый попавшийся образ. Но если вам так нравится – буду для вас Андрей Белый.

Дрожа прозрачными шагами, Сёма отошел чуть-чуть: он затянулся и дымно задумался.

– А на самом деле вы кто?

– Никто. Такая же песчинка бесконечной Вселенной, как и вы... Я же верно понимаю, что... – Ветер перебил его резко. – Я говорю: вы направляетесь к своей Софии?

– К Настюхе, ага. Я ее с собой в Африку возьму. Она любит юг.

Белый цокнул и покачал головой:

– И опять мозговая игра? Опять быть сотканным из боли?

Бесплотный Сёма представил, как он сидит сейчас в Африке где-то на почте, в очереди – потеет, пьет воду, смотрит по сторонам на черные мокрые лица и хочет закурить настоящую сигарету (бумажные курились как воздух – должно быть, ему дали нулевку). И вроде бы – как-то противно: опять все вот это вот ощущать, дышать, хотеть, существовать... А с другой стороны – зато жизнь: пусть задрипанная и ничтожная.

– Я не могу по-другому, – проговорил Сёма нелепо (радуясь, что нелепо). – Я ее люблю.

– Вашу Настюху?

– Жизнь.

– А-а-а! Понимаю... Я-то думал, вы чтоб раствориться в пространстве...

– Что – чтоб раствориться в пространстве? – Сёма весь заколебался.

Андрей Белый почти улыбнулся:

– Убили себя.

Сёма бросился своими прозрачными кулаками на такого же прозрачного Белого. Тот сперва шутя уклонялся от бессильных атак, но скоро ему надоело, и он застыл пристыжающе. Кулаки проходили жилет с цепочкой насквозь, луна бросала лучи и тени, тучи носились в припадке. Тут ветер загрохотал опять – страшный.

Вдруг Сёма понял, что ни в чем Андрей Белый не виноват, что его положение немногим-то лучше, что все это так же глупо и так же смешно, как и все, что было там – внизу.

– Вы... простите, – пробормотал Сёма.

– Ничего. Случается. Я сам был живой – тысячу раз... – Он взял часы, звякнув цепочкой. – А вам пора.

Ветер снова рванул хорошенько, Сёма запрыгнул в него.

– Не пропадите! – крикнул он фигуре на шпильке.

– Я постараюсь! – Белый махал рукой. – Увидимся в снах!

Сёма шагал, Сёма летел – раскинув руки, – и ночь обливалась ядовитыми красками. Мимо пролетали ведьмы на ведрах, духи, похожие на мимов (они показывали Сёме большой палец и кричали: «Молодцом!»), космонавты в немых скафандрах, светящиеся змейки. Сёма летел за воздух, прямо к звездам: приодетые, напудренные планеты уже гарцевали свой вальс, а Сёма летел – летел! Венера подмигнула и сделала реверанс, приглашая кавалера. Сёма пожал прозрачными плечами и весело крикнул:

– Извините! Я другую люблю!

Слова проглотил вакуум, но Венера поняла, улынулась. Все равно ее уже пригласил старик с лицом старухи. Оглядываясь, он, с сухой рукой, как-то кивнул – и до Сёминого сознания дошло: «Живой космос обожги». Сёма не понял, понял – и обжег. И вот – он уже не летит к ковшу Медведицы, Сёма уже сам звезда: он наливаются жадным жаром, участвуя в пляске Вселенной: он теперь важная особа, он раздает всем свет! И он так счастлив, так счастлив – что мог бы исчезнуть!..

И тут он вспомнил.

Сёма бросил свои звездные дела, переоделся в призрачье – и устремился обратно, быстрее, чем свет: он пронесся мимо оскорбленных планет, мимо надменного старика, мимо все так же курящего Белого, бросив на ходу:

– А еще есть сострадание!

Мимо все же долетевшего до слуха «Браво!», мимо Лужников и Кремля: прямо на Соколиную гору, к Настиному дому.

Потрескавшаяся хрущевка с пахнущим луком подъездом. Избитые повседневностью ступеньки. Подделка под японскую сакуру над почтовыми ящиками. Сёма не влетел прямо в квартиру: он послушно поднимал и опускал ноги над ступеньками, совсем как живой. Он занес палец над кнопкой звонка и – не решился: прошел дверь насквозь.

Он никогда не был у нее дома и даже не знал адрес (сюда его привела какая-то сила), он не мог представить, как она ест, как она спит, как она ходит в тапочках. Сёма не знал, где ее искать: глупо, но казалось, что в такой штуке, как дом, такого человека, как Настя, – быть не может. Он застал ее в кухне, в плюшевых штанах и спортивной майке (даже они были черные): она сидела над блокнотом и говорила затылком:

– Не потому ли я позволила тебе отречься от меня, что я прах из кости?

– Я никогда не отрекался, Настя!

Она двинула плечом (косточка подпрыгнула), что-то чиркнула и добавила туманно:

– Карандаш велик, а мир огромен... Не то!

– Настя! Это я, Сёма с работы!

Она обернулась – с естественностью ивы, вся как бы из цветов: с измученным морщинами лбом, бесстрастными страдавшими губами, отпяченным по-детски подбородком, самовлюбленным, едва курносящимся носом, каштановым клубком на голове (волос она не распускает) – строгая, неприступная, совершенная. Ее блестящий карий взгляд был вечен – он оглушал: Сёма проваливался в этот зрачок, пролетал заново всю Вселенную, был коридором из отражений, был всем Мирозданием, обнявшим Настю, был Сёмой, был ею, и видел, и понимал: Настя не видела Сёму – она смотрела, вскипел чайник или нет.

Болью тысячей крохотных ручек вцепилась в Сёму – и потащила назад: через окно, через Москву, через МГУ, планеты, галактики, время, пространство, не-время – воздух ворвался в Сёмины легкие кувалдой и порвал их в клочья и крик. Сёма разодрал свои веки: он был в угрюмом неизвестном дворе – лежал, на скамейке, в ночь.

Он сел. Жадно дыша, Сёма смотрел на свои ноги.

Специально развязал шнурки – и ходил так: может, заметят, остановят, скажут?

Ноябрь 2019 года

